

ВСТРЕЧИ С ЛУНАЧАРСКИМ

К 90-летию со дня рождения

МНЕ посчастливилось в далекие молодые годы в течение нескольких лет часто встречаться с Анатолием Васильевичем Луначарским.

Случилось так, что меня пригласили в семью Луначарского учителем музыки. Моей ученицей была маленькая Ирочка, сейчас инженер-химик Ирина Анатольевна Луначарская. Знаменитой пианисткой она не стала ¹ славы мне, как педагогу, не принесла.

Но Анатолий Васильевич часто заходил на наши занятия и, если у него бывало несколько минут досуга, расспрашивал меня и сам рассказывал очень много интересного. Темы наших разговоров бывали по большей части музыкальными, единственно тогда меня интересовавшими. Я сейчас не могу вспомнить всего, но и то, что осталось в памяти, говорит, какое у А. В. Луначарского было исключительное и всестороннее образование, как хорошо он знал искусство всех жанров, как поразительно успевал быть в курсе всего, что происходило во всем мире в области культуры.

А. В. Луначарский свободно владел французским, немецким и английским. До сих пор не могу по-

нять, когда он успевал прочитывать громадное количество литературы, но, когда речь шла о новом романе или новом спектакле, Луначарский выступал с интереснейшей критикой. Некоторые его критические статьи недавно изданы; их очень интересно прочесть и сейчас.

Когда в Большом театре начали давать симфонические концерты, А. В. Луначарский нередко выступал со вступительным словом. Помню его замечательные, зажигательные речи о Глинке, Бетховене, Берлиозе. Я никогда не видел, чтобы Анатолий Васильевич готовил материалы к подобным выступлениям. При его изумительной памяти это было лишним. Мне случалось с ним разговаривать на разные музыкальные темы; какой бы вопрос я ни поднял, он освещал его очень оригинально и с поразительным знанием существа дела. Он говорил о Бахе и Генделе, проводил параллели, сравнивал их стили. Он сопоставлял Чайковского и Моцарта, Берлиоза и Скрябина.

Однажды в Политехническом музее было торжественное заседание,

посвященное известному физику Гельмгольцу. Перед этим Анатолий Васильевич был дома, разговаривал на всевозможные темы и меньше всего о Гельмгольце. Потом он поехал в Политехнический музей и позвал меня с собой (а может быть, я и напросился). Он вышел на трибуну и начал вступительное слово. Это было сорок лет тому назад, и я не помню всего, что говорил Луначарский; но потрясающие, глубокие знания, интересная марксистская философская трактовка физических открытий, наконец, обилие фактов, которые он приводил, — это я помню всю жизнь.

Аудитория, состоявшая из ученых и студенческой молодежи, устроила Луначарскому бурную овацию. Может быть, из всех присутствовавших в зале только я один знал, что Анатолий Васильевич к этому выступлению специально не готовился: весь предшествующий день был занят совсем другими делами.

В другой раз Анатолий Васильевич как-то сказал, что должен

выступить в университете на студенческом митинге. Это было в начале лета, в солнечный день. Я поехал вместе с ним, предвкушая удовольствие от интересного выступления. Увы! Ничего я не услышал.

Мы на машине подъехали к обширному двору университета (это, разумеется, было старое здание). Не успела машина остановиться, как толпа студентов подбежала, Анатолия Васильевича подняли на руки и понесли к трибуне. Это была лавина, стихия! Раздавались возгласы: «Да здравствует товарищ Луначарский, да здравствует наш марком!»>. Видимо, там были студенты и из других московских вузов.

Весь двор был запружен. Мне места не нашлось — я остался на Моховой улице, тщетно пытаюсь услышать хоть что-нибудь из того, что говорил Анатолий Васильевич (радиусистителей, понятно, тогда не было). Я только слышал внезапно возникавшую бурю аплодисментов,

возгласы, отдельные восклицания. Раньше, чем Анатолий Васильевич закончил выступление, я поспешил сесть в машину, иначе мне бы в нее не попасть, так как и обратное путешествие к машине Луначарский совершил на руках у студентов.

Помню, как во время моего урока с маленькой Ирочкой к Луначарскому пришел В. Э. Мейерхольд, и Анатолий Васильевич сделал критический разбор последней мейерхольдовской постановки. Я, конечно, подслушивал и думал, что мало посмотреть спектакль, надо еще уметь в нем так много увидеть! Этому у Луначарского могли учиться все, в том числе и профессиональные деятели театра.

Память о Луначарском дорога нам всем. Советский народ не забудет этого замечательного революционера и ученого, которого так ценил великий Ленин.

Б. ХАЙКИН,
народный артист РСФСР,
профессор.

СОВЕТСКИЙ АРТИСТ

3

26 ноября 1965 г.